

Рамазанова Зоя Буттаевна
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
zoya.ram@mail.ru

РЫБОЛОВСТВО КАК ПРОМЫСЕЛ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Рыболовство в Дагестане, как отрасль, прошло долгий путь, начиная с ловли рыбы в реках и вплоть до создания крупных рыболовецких компаний и объединений. В данном исследовании мы постараемся проследить основные этапы развития рыбного промысла как системы жизнеобеспечения народов Дагестана. В качестве методов были применены проблемно-технологический, историко-сравнительный и историко-системный методы, а также метод исторического анализа. В соответствии с выдвинутой целью исследования автор использовал и частные исторические методы: логический, хронологический, актуализации. При написании статьи привлекались архивные материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Дагестан, полевой материал автора, литературные источники. В статье рассмотрены основные этапы зарождения, формирования и развития рыболовства в Дагестане. Необходимо отметить, что рыболовство – область достаточно сложная для изучения, требующая учет широкого круга вопросов, касающихся различных сторон жизни народов Дагестана. Отсюда многосторонность, многоаспектность этой темы. Наиболее научно-результативными и плодотворными аспектами ее исследования в настоящее время являются, на наш взгляд, естественно-географический, социально-экономический, культурно-исторический. Рыбный промысел в дореволюционный период занимал одно из ведущих мест в экономике Дагестана, благодаря чему развилась инфраструктура данной отрасли, появились торговые компании и объединения, наладившие связи не только с городами Российской империи, но и с зарубежьем. Практическая значимость работы определяется тем, что вводимые в научный оборот новые архивные данные и полученные в статье выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении различных аспектов, касающихся традиционных подсобных занятий.

Ключевые слова: Дагестан; Каспий; система обеспечения; хозяйство; рыбный промысел; рыбная промышленность

Для цитирования: Рамазанова З.Б. Рыболовство как промысел в системе жизнеобеспечения народов Дагестана в XIX – начале XX века // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 908-917. doi.org/10.32653/CH204908-917

© Рамазанова З.Б., 2024
© Сефербеков М.Р., перевод, 2024
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204908-917>

Research paper

Zoya B. Ramazanova,
Dr. Sci., Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
zoya.ram@mail.ru

EVOLUTION OF FISHING INDUSTRY IN DAGESTAN IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURY

Abstract. The Dagestan fishery has evolved significantly, from riverine fishing to the establishment of large companies and associations. This study traces the key developmental stages of fishing as a vital form of sustenance for the peoples of Dagestan. Employing problem-solving, comparative-historical, and systemic-historical approaches, along with historical analysis, this research examines the industry's trajectory. Furthermore, logical, chronological, and updating methods were utilized. The study draws upon archival materials from the Central State Archive of the Republic of Dagestan, original fieldwork, and published literature. This article examines the key stages in the origin, development, and evolution of fishery in Dagestan. Fishery represents a complex area of study, necessitating consideration of a broad range of issues intertwined with various aspects of life for the peoples of Dagestan. This complexity contributes to the topic's multifaceted nature. Currently, the most scientifically productive and insightful research perspectives are, in our view, natural-geographic, socio-economic, and cultural-historical. During the pre-revolutionary period, fishing held a prominent position in the Dagestan economy. This prominence fostered the development of industry infrastructure, leading to the emergence of trading companies and associations that established connections not only within the Russian Empire but also internationally. The practical significance of this work lies in the introduction of new archival data into scholarly discourse. The findings presented here can contribute to further research on various aspects of traditional subsidiary occupations.

Keywords: Dagestan; Caspian Sea; sustenance system; economy; fishery; fishing industry.

For citation: Ramazanova Z.B. Evolution of fishing industry in Dagestan in the 19th and early 20th century. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 908-917. doi.org/10.32653/CH204908-917

© Ramazanova Z.B., 2024
© Seferbekov M.R., translation, 2024
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Введение

Исследование исторически сложившихся систем жизнеобеспечения этносов представляется особенно актуальным в настоящее время, когда традиционные системы хозяйствования, в том числе и подсобные хозяйственные занятия народов Дагестана, подвергаются нивелировке и достаточно быстро исчезают. В этом плане их изучение особенно важно в условиях процессов, связанных с радикальными изменениями в общественном и домашнем быте, а также в этнокультурных взаимодействиях. Данная статья посвящается исследованию рыболовства, одной из отраслей подсобного хозяйства народов Дагестана в XIX – начале XX в.

Целью данной статьи является анализ рыболовства как промысла в системе жизнеобеспечения народов Дагестана в XIX – начале XX в. по имеющимся архивным, литературным и полевым материалам.

Историография проблемы

Исследование традиционных подсобных занятий хозяйства народов Дагестана как важного компонента культуры жизнеобеспечения дает возможность наиболее глубоко изучить многогранный процесс развития человеческого общества, а также выявить его приспособляемость к природным зонам, приведшую к появлению локальных типов хозяйственных занятий в рамках единой системы. Видимо этим и объясняется подход исследователей к анализу хозяйственных занятий. Особенно это характерно для дореволюционного периода, когда подсобные отрасли хозяйства рассматривались как составляющие культуры жизнеобеспечения.

Основная масса дореволюционных публикаций, относящихся к этнографии Дагестана и Кавказа, представляет собой статьи. Книги весьма редки. Этот статейный характер свойствен в значительной мере вообще всей дореволюционной русской этнографической литературе, однако по Кавказу он выражен в наибольшей степени [1, с. 277].

В начале XX в. вышло два выпуска «Дагестанского сборника» Е.И. Козубского, в которых можно найти сведения о занятиях горцев. Будучи преподавателем истории и географии Темирханшуринского реального училища, он одновременно работал секретарем Дагестанского областного статистического комитета; был основателем библиотеки в Темир-Хан-Шуре и в последние годы своей жизни заведовал Дагестанским областным кустарным музеем; сотрудничал в журналах «Русский архив», «Русская старина» и «Исторический вестник» в качестве автора работ по истории Кавказа [2; 3].

Новый этап в изучении Дагестана наступил в советское время. Он ознаменовался оживлением интереса и к этнографии. В 50-е гг. дагестанские этнографы уже выступали с различными научными публикациями. Они же были, наряду с другими известными советскими этнографами, в числе авторов сборника «Народы Дагестана» [4], в статьях которого рассматриваются самые разнообразные стороны быта и культуры дагестанцев, в том числе подсобные отрасли хозяйства народов Дагестана в исследуемый период. Наиболее полное отражение эти вопросы нашли в исследовательской деятельности С.Ш. Гаджиевой [5–9]. В указанных работах С.Ш. Гаджиевой данная проблема раскрывается наиболее ярко и полно на примере тюркоязычных народов.

Отметим, что исследования современных этнографов, посвященные подсобным отраслям хозяйства, в частности рыболовству, у разных народов иллюстрируют его как один из наиболее устойчивых компонентов культуры жизнеобеспечения. Данная особенность делает его объектом новых интересных наблюдений и исследований, число которых в последние годы заметно выросло. Эти вопросы раскрыты в серии историко-этнографических исследований и очерков, посвященных отдельным народам, в разделах «Хозяйство», «Материальная культура» [5; 6; 7; 8; 10–20]¹. Здесь же необходимо отметить, что соответствующие разделы этнографических монографий и сборников по отдельным народам и этнокультурным регионам обычно ограничиваются простым описанием, тогда как только его сравнительное изучение в связи с этнической историей народов может дать нам необходимые сведения [21–27].

При исследовании системы жизнеобеспечения вообще и подсобных отраслей хозяйства в частности, методологическое и практическое значение имеет обращение к экологическим аспектам, получающим

1. Лугуев С.А. Материальная культура ахвахцев. XIX – начало XX в. // Научный архив ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 571.

в наши дни все более широкое применение в самых различных областях науки и позволяющим глубже познать процессы формирования, функционирования и развития явлений жизни. Именно к таким исследованиям относятся работы по хозяйству и материальной культуре ведущего этнографа Дагестана М.-З.О. Османова. В его трудах содержится уникальный материал, собранный автором во время экспедиций по всем регионам Дагестана [28; 29].

При написании работы по подсобным отраслям хозяйства народов Дагестана нами была учтена почти вся доступная литература по хозяйству других народов России и мира. Особый интерес представляет монография М.В. Добровольской, в которой анализируются обобщенные данные археологии, культурной и физической антропологии, психологии об изменении питания предшественников человека и древних людей. Здесь же оценивается роль экологических причин и культурных особенностей в сложении древнейших кулинарных традиций [30].

Однако, несмотря на все вышеперечисленные труды, в нашей стране еще недостаточно издано работ, которые бы освещали подсобные отрасли хозяйства во всех их проявлениях. Еще меньше таких исследований, посвященных кавказской пище [31], и дагестанской [32; 33; 49; 50], в частности. Можно с уверенностью констатировать, что проблема подсобных отраслей хозяйства народов Дагестана, особенно в традиционных обществах, не получила достаточного освещения, так как пока еще нет работ, представляющих бы целостную картину развития данной проблемы.

Источниковую базу работы составили полевой этнографический материал, архивные документы, литературные источники. Самым важным источником являются полевые материалы этнографов, занимавшихся изучением народов Дагестана и работавших в разные годы в различных регионах Дагестана, как опубликованные, так и хранящиеся в Научном архиве Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.

Также нами использованы сборники архивных и документальных материалов «История, география и этнография Дагестана» (М., 1958), «Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.» (М., 1958), «Русско-дагестанские отношения XVIII – начале XIX в.» (М., 1988), «Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в.» (М., 1969), «Материалы по истории Дагестана и Чечни» (Ч. 3. Махачкала, 1940), а также «Обзоры Дагестанской области за 1891–1910 гг.» (Темир-Хан-Шура, 1892–1911).

Наряду с неопубликованными материалами в работе используются опубликованные архивные материалы, извлеченные из архивов [34].

Основная часть

На возникновение и развитие любой отрасли хозяйства, системы жизнеобеспечения главным образом влияют природные условия. В данном случае рыболовство является тем самым занятием, которое всецело зависит от природно-географических условий.

Несмотря на изобилие и наличие на территории кумыков множества рыбных промыслов, ее употребляли ее в пищу сравнительно мало. Есть, однако, основания полагать, что в прошлом рыба играла немаловажную роль в питании средних и особенно засулакских кумыков. На широкое употребление рыбы в прошлом указывает наличие у кумыков местных названий рыбы: «балык» (общее название), «бекра» (осетр), «яйын» (сом), «иргъай» (лосось), «чорпа» (щука), «сазан» (сазан) и др. Рыбу ели в варенном и жаренном виде. Применялось и вяление рыбы на зиму. Старики-кумыки рассказывают, что сушеная рыба шла даже на приготовление хинкала, который в настоящее время делается исключительно из мяса животных [35, с. 97].

Рыба в пищевом рационе горских евреев занимала важное место. Степень ее использования в определенной мере зависела от традиций и религиозных убеждений. У евреев существовал запрет на употребление рыбы без чешуи. «Рыба, имеющая чешую и плавники, в силу того, что не нуждалась в штихе (кошерном убое и особой разделке, которую требовал иудейский кашрут), в отличие от мяса животных и кур, являлась чуть ли не повседневной едой у горских евреев. Они ели ее в жареном, копченом, соленом видах. Больше всего потребляли рыбу судак (в народе ее называли «еврейской курицей») и кутум. Ели рыбу в основном с хлебом и луком [36, с. 52].

Интенсивная эксплуатация рыбных богатств Терека началась с заселением берегов реки русскими казаками в XVII в. [37, с. 188]. Царское правительство «пожаловало» казачеству реку Терек «от самого гребня Кавказских гор до ее впадения в Каспийское море» [38, с. 2–4].

Разумеется, в экономической жизни Терской области рыболовство играло немалую роль как важный источник существования терских казаков. Первоначально они ловили рыбу исключительно в самой реке у мест расселения, используя запасы ценных проходных и полупроходных рыб, в числе которых видное место занимали лососевые и осетровые породы. Поэтому, чем ближе к морю располагались отдельные населенные пункты, тем богаче была здесь рыбная ловля. В связи с этим, для низовых станиц рыбный промысел являлся главным источником материальных благ, тогда как для селений, расположенных выше по реке, он уже не имел столь большого значения и носил черты подсобного или случайного занятия жителей, как это считалось на территории Дагестана, отдаленной от главных рек и моря [38, с. 29]. По этому поводу акад. К.М. Бэр отмечал, что «Выгоды от терского рыболовства распределяются весьма неравномерно, так что полки, расселенные в нижней части его, имеют большие выгоды, в средней – умеренные, в верхней же – весьма малые» [39, с. 201]. В наиболее благоприятных условиях в отношении рыболовства в Терской области находились поселения, расположенные у самого устья реки, которые первыми встречали рыбу, входящую из моря в реку и почти вся рыба вылавливалась ими. Здесь рыбной ловлей занимались не только мужчины, но и женщины.

Для участия в рыбной ловле выдавался пай, который мог получить не только каждый взрослый казак, но и вдовы, и сироты. Каждый владелец пая мог продать право или передать его любому другому лицу. Стоили пай по-разному, цена зависела от времени года и длительности его действия – на целый год он стоил 10 рублей, на весну – 3 рубля, а на осень – 5 рублей [38, с. 24]. Высокая цена на осень определялась ценностью осеннего лова, базировавшегося на добыче лосося и шемаи.

При ловле рыбы применялись разнообразные орудия лова, при которых требовалось объединение нескольких паев, в зависимости от способа лова. Например, при ловле неводом – 4 пая, сетями – 3 пая, при применении нитяной ванды – 3 пая и т.д. [38, с. 24].

Существовали определенные сложности, связанные со сбытом пойманной рыбы, объяснявшиеся отдаленностью крупных рынков сбыта. Весь улов продавался подрядчику, причем на несколько лет вперед. Играя роль посредника между рыбопромышленниками и рыбаками, подрядчик брал на себя достаточно сложные обязанности – принимал от казаков всю пойманную рыбу по установленной цене, с предварительной выдачей на каждый пай задатка в определенном размере и обеспечением казаков рыболовными материалами по астраханским ценам [38, с. 25].

Подрядчик заключал соглашение о приеме рыбы на довольно длительный срок и тем самым ставил рыбаков в кабальную зависимость от себя, так как последствия недолова или падения цен при избытке сырья полностью ложились на плечи ловца. Данная зависимость рыбака от подрядчика возникала не только в силу полученного задатка, но и от того, что подрядчик мог в любое время отказаться от приема рыбы, поэтому цены на рыбу и рыбные продукты, принятые от этих ловцов, были как правило, ниже цен на рыбу и рыбные продукты, от «вольных» рыбаков, не получавших задатка [40, с. 128–129].

В конце XIX в. воды Среднего Терека распределялись по юртовым наделам казачьих станиц вдоль левого берега реки и по наделам чеченских селений, вдоль правого берега. Воды Терека принадлежали многим владельцам: казне, терскому казачьему войску, отдельным станицам, сельским общинам, городам, монастырям и частным лицам. Низовья северных рукавов Терека оставались в ведении казны, образуя один общий рыболовный участок, известный под именем «Терских казенных рыболовных вод». Эти воды сдавались в аренду [40, с. 88–89].

Основными промысловыми породами рыб Терека, составляющими основу местного рыболовства, были лосось, севрюга, шемай, сом, жерех и сазан.

Рыболовство в реке, при различной интенсивности, обычно начиналось ранней весной и продолжалось до глубокой осени вплоть до ледостава, т.е. в течение 10–11 месяцев. Тем не менее, в зависимости от сложившегося характера нерестовых миграций отдельных пород рыб, в Тереке оно имело два ярко выраженных сезона: весенний и осенний. Первый базировался на лове осетровых и крупного частика, второй – на лове лосося и шемаи [38, с. 13].

Обработку рыбы казаки проводили в своих дворах. Почти весь улов шел на посол, сушку и копчение. Тарой для посола служили бочки и другая посуда [38, с. 19].

Специальных промысловых заведений по среднему Тереку не существовало. Только позднее, в низовьях реки появились промыслы, которые принадлежали арендаторам и по своему устройству значительно уступали астраханским. Например, подрядчик станицы Александрийской имел некрытый лабаз с чанами, жалкую казарму с земляным полом, коптильню, построенные из самана. Еще большей

примитивностью отличались промыслы других арендаторов, расположенные выше станицы Александровской. «Здесь, – писал И.Д. Кузнецов, – рядом с обычной кибиткой кочевников, служащей жильем приказчика, я увидел камышовой навес, под ним – весы и деревянный стол, на котором разделявают рыбу. Тут же 5–6 тар, покрытых досками и рогожей, придавленных гирями... в углу – небольшой деревянный ларь, стоящий прямо на земле, а между кибиткой и навесом – полуврытый в землю каюк², в котором, налив в него воду, промывают рыбу» [38, с. 19]. Разумеется, подобный способ добычи и обработки рыбы приводил к снижению количества и качества продукции. Но, тем не менее, рыбопромышленники, получая высокие прибыли за счет дешевой рабочей силы и хищнической эксплуатации запасов рыбы, были менее всего заинтересованы в основании здесь капитальных рыбодобывающих и рыбообрабатывающих промыслов.

Учитывая серьезные организационные и технические недостатки рыбного промысла и крайне низкое качество рыбной продукции, «Кавказский календарь на 1879 г.» отмечал, что причины недоброкачественного приготовления рыбной продукции заложены в самом способе производства и полном отсутствии технического прогресса [41, с. 384]. Здесь же отмечалось, что «несмотря на всевозможные успехи по другим отраслям экономической жизни, ловля и приготовление рыбы производится у нас также, как производились сотни лет назад» [38, с. 19].

Отмечая роль и значимость рыболовства на севере Дагестана, на и изобилие рыбных богатств, необходимо указать, что оно не могло доставить необходимых средств к существованию даже тем крепостным Кизлярского уезда, которые специально занимались этим промыслом, вследствие самой бессостойной эксплуатации и ограбления их помещиками.

Жизнь крестьян-рыболовов была чрезвычайно тяжелой. Развитие рыболовного промысла у казаков было скованно рядом ограничений. Лучшие места в казачьих рыболовных водах давно уже были захвачены казачьей верхушкой, рядовым казакам же отводились места вверх по этой реке (Терек – *авт.*). Продавать рыбу казаки могли только арендаторам казачьих рыбных промыслов по установленным ценам [42, с. 152].

В конце XIX в. условия найма рабочей силы на морских рыбных промыслах притерского района имели характерные черты безудержной капиталистической эксплуатации и произвола. Оплата труда на промыслах ставилась в зависимость не только от сроков найма (временные сезонные работы и постоянные годовые), но и от специфических особенностей выполняемых работ, квалификации, требующей особых навыков, и даже от национальности рабочего. Женский труд широко использовался при обработке рыбы (резальщицы) и оплачивался, как правило, ниже мужского.

Работа выполнялась временными и постоянными рабочими. К числу последних относились «мастеровые» – плотники, кузнецы и др., а также «пробежные» – служащие на рыбацких, доставлявших различные грузы.

Заработок сезонных рабочих исчислялся помесечно. Кроме денег, рабочие получали от промысла хлеб. Хлеб к чаю отпускался белый, а к «приварку» – ржаной. У «приваров» выдавалась рыба, а иногда и мясо, как солонина, так и свежее.

Рабочее время не нормировалось – люди работали от зари до зари с небольшими перерывами для еды. Как отмечает И.Д. Кузнецов, «работа производится с рассвета до 8 часов утра, после завтрака (чая) работают до 12 часов, когда полагается час на обед, а затем снова работа до сумерек» [40, с. 109]. Относительно выходных дней или «праздничных, безработных дней», то ими «чуть ли не каждое воскресенье» пользуются мастеровые. «Промысловым же рабочим выходные дни предоставляются при отсутствии рыбы, когда нет работы» [40, с. 109].

На притерских промыслах работали ногайцы, калмыки, кумыки, русские. Месячная зарплата временных рабочих колебалась между 8 и 20 рублями. Резальщицы, именуемые тысячницами, получали сдельную заработную плату с тысячи штук рыбы. При этом оплата труда зависела от породного состава рыб. За тысячу разделанных рыб крупного частика (сазан, судак, жерех) платили по 2 – 2 руб. 50 коп., а мелкого (вобла и лещ) – по 1 руб. [40, с. 108]. Наем рабочих производился через подрядчиков, которые получали по 1 руб. за каждого нанятого рабочего.

Всего в конце XIX в. в Притерском рыболовном районе, где в основном велся лов красной и частичковой рыбы, на всех промыслах было занято около 250 человек. Предприниматели чаще использовали

2. Каюк – выдолбленный из целого ствола дерева крепкой породы (тополя, дуба) сосуд.

местную рабочую силу и только в ограниченном количестве привлекали квалифицированных русских рабочих, что требовало больших расходов на их перевозку (5–10 руб. на одного человека)³.

Со временем в Каспийское море была перенесена более совершенная практика наживного рыболовства из Черного и Азовского морей, стали пользоваться английским крючком. Постепенно наживная снасть распространилась по всему Каспийскому морю. Упрощаясь и вместе с тем совершенствуясь, она получила наименование «калада» [43, с. 201].

В то время каладный лов развивался у берегов Дагестана довольно быстро. Но, продукция, получаемая от калады, была низкого качества. Рыба шла вторым сортом, а икра в основном изготовлялась паюсной, ястыком или откидной [43, с. 203]. Причиной всего являлось то, что лов осетровых каладой происходил достаточно далеко от берега. При частых штормах переборка калады производилась два раза в неделю, но не чаще. В данной ситуации, пойманная и уснувшая рыба оставалась несколько дней на крючке в воде и подвергалась полной порче. Разумеется, такую рыбу выбрасывали [43, с. 203].

Каладным ловом занимались многие, не имевшие никакого отношения к рыбным промыслам: ремесленники, железнодорожники, портовые служащие, даже священнослужители [43, с. 203].

Река Самур славится лососем, на искусственное разведение которого, вследствие злоупотреблений промысла, еще в 1901 г. обратило внимание управление восточных вод Закавказья. Количество улова в р. Самур лосося, годного для искусственного разведения, так называемого лоха, по-местному албат, было весьма ограничено. Здесь ловился преимущественно лосось с незрелыми половыми продуктами – «самур-балык», имевший высокую ценность на местных рынках. Албат же (лох) ловился исключительно в смежных с Самуром небольших, так называемых черных речках (Кайран-чай и Кара-су), в которых самур-балык совершенно отсутствовал. Средний ежегодный улов албаатов, по сведениям рыбаков, вероятно, уменьшающим цифры: в Самуре составлял 100 шт., в Кайран-чае и Кара-сы по 300 шт., всего 700 шт.

Рыболовные промыслы наследников шамхала тянулись от пункта, называемого Кабах-Чанг-Хан на полуострове Учъ, на юг вдоль морского берега, продолжаясь до пункта Красной горы, против селения новый Буйнак (Загу-юрт), называемого местными жителями Избир-бурун, отделяющего шамхальские воды от Терекемейских, и от береговой границы в глубь моря на 50 верст. В Аграханском заливе наследникам шамхала принадлежали восточная половина и южная часть Чеченского пролива. Шамхальские воды арендовались астраханским купцом К.П. Воробьевым, во владении которого находилось всего 11 промыслов (по сведениям податной инспекции было 10 промыслов), из которых на 4 промыслах работа производилась периодически, на 7 промыслах-станах только в весну, считая с февраля по 10 мая, во время лова сельди. Сверх ватаг у него имелись еще 3 промысленных заведения [44, с. 47].

Рыболовство в промышленных масштабах в Дагестанской области возникло в начале XIX в., когда с присоединением Дагестана к России усилился спрос на рыбные товары.

Рыболовные участки, принадлежавшие частным владельцам и казне, сдавались в аренду различным лицам, главным образом предпринимателям, приезжавшим в Дагестан из Астрахани, Владикавказ, Грозного, Пятигорска и южных губерний центральной России [44, с. 47].

Арендная плата на терекемейские казенные воды, после повышения их уловности, в 1903 г. поднялась с 6840 руб. до 49640 руб. 83 коп. [3, с. 76].

На южной части дагестанского побережья Каспийского моря между реками Рубас и Ялама в пределах Кюринского округа до 1900 г. рыбных промыслов не существовало. Местное население занималось только речным рыболовством, используя запасы лосося и ценных крупночастиковых пород⁴. Первый сельдяной промысел здесь был открыт в 1901 г., в 1902 г. возникло 3 и в 1903 – еще 1 промысел [45, с. 4].

Говоря о рыбном промысле Дагестана, в Дагестанских областных ведомостях писали, что «главный, основной продукт нашего рыболовства – сельдь. Работа над селедкой дала особый чисто деловой тон Дагестанскому побережью, установив в то же время и прочную неразрывную экономическую связь его с империей. Ловится селедка, и всем весело. Работают прибыльно: гостиницы, рестораны, банки, нотариусы, бондари, плотники, фаэтоны, дрогами, сапожники, хлебопеки, огородники и магазины готового для рабочих платья: нет селедки – и все застыло, принимая унылый, подавленный вид. Хороший

3. Статистический отдел Дагестанской области // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 59.

4. Отчет начальника Кюринского округа // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 9. Л. 280.

лов отражается даже на зароботке нашей редакции, увеличивая число платных объявлений: об утере видов на жительство, разного рода квитанций, векселей и об уничтожении доверенностей»⁵.

Как отмечалось в Дагестанских областных ведомостях, «Рыбное дело наше создано и развито исключительно евреями: они же нашли и рынки для сбыта, установив любимое в черте оседлости качество засола»⁶. Необходимо отметить значимость проведения «Петровской ветки Владикавказской железной дороги... С открытием движения по железной дороге большая часть рыбы Аграханского залива стала доставляться на ближайшую станцию Хасавюрт для дальнейшей переброски на более отдаленные. Причем с промыслов до станции рыбные товары доставлялись гужевым транспортом – на арбах, на волах, или верблюдах, проделывавших этот путь за 2-4 дня» [6, с. 112].

Размещение рабочей силы по селечодным промыслам зависело от их мощности. В среднем на каждый промысел приходилось 250 человек [46, с. 160].

Все жилые помещения для рабочих настолько были перенаселены, что «о какой-либо норме кубического содержания воздуха не может быть и речи. Иногда можно было наблюдать, что перед приездом кого-либо из лиц, причастных к санитарному надзору, добрая половина рабочих удалялась с промысла в лес и там дожидалась отъезда начальства» [46, с. 125].

В притерском рыболовном районе в 1913 г. насчитывалось до 20 промыслов по приемке и обработке рыбы и 10 «станьев», являвшихся местом стоянки рыбацких лодок и выгрузки рыбы [47, с. 248]. Рыба, поступающая от ловцов, немедленно обрабатывалась. На обработке рыбы работали наемными рабочими как из местного населения, так и пришлые, в основном русские [48, с. 249]. Рыбаки, жившие на северном побережье Каспия и на о. Чечень, были там постоянным резервом рабочей силы для рыбной промышленности. Они пребывали в прямой зависимости от предпринимателей, т.к. единственным источником существования жителей этого района было рыболовство [46, с. 173].

Сельдяной улов в 1917 г. достиг наибольшей величины за весь период своего существования – 806,1 тыс. ц. [47, с. 264]. Однако, высокая интенсивность промысла без учета необходимой регламентации величины улова рыб в целях сохранения численности поголовья рыбного стада и обеспечения его воспроизводства неизбежно приводила к хищническому истреблению рыбных запасов. В дореволюционный период, когда в условиях капиталистического способа производства, при стихийном и уродливом размещении производительных сил, хищническое использование природных ресурсов стало неизбежно.

Далее, как уже говорилось, 1912–1917 г. рыболовство характеризуется небывало высоким подъемом уловов сельди за счет сельдяного промысла на западном побережье Каспия.

Заключение

Рыболовное хозяйство народов Дагестана XIX – начале XX в. является частью хозяйственно-культурной традиции в данном регионе. Развитию рыболовства способствовало наличие соответствующих хозяйственных традиций. В статье на основе соответствующего материала отмечена общность традиции и этнолокальные особенности, поскольку их становление и развитие происходило в конкретных условиях особенностей естественно-географической среды, социально-экономической и политической жизни обществ в его многочисленных и многосторонних взаимосвязях с соседними народами.

Развитию рыбного промысла способствовали несколько факторов. Во-первых, снижение уловов красной рыбы во второй половине XIX в. актуализировало рыболовство на Каспии. Во-вторых, богатая сырьевая база и дешевая рабочая сила делали развитие этого промысла выгодным для российских предпринимателей и привлекательным для капиталовложения. В-третьих, отсутствие в Дагестане в исследуемый период ограничений по вылову дало дополнительный импульс для развития отрасли в водах Каспия.

5. Там же.

6. Дагестанские областные ведомости. 1910. № 24. С. 2

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник (КЭС). М., 1955. Т. 1. С. 265–374.
2. Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. – 390 с.
3. Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Вып. 2. Темир-Хан-Шура, 1904. – 521 с.
4. Народы Дагестана: сборник статей / Отв. ред. д-р ист. наук М.О. Косвен и канд. юрид. наук Х.-М.О. Хашаев. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 248 с.
5. Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков (конец XIX – начало XX в.). Махачкала, 1960. – 171 с.
6. Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М., 1961. – 388 с.
7. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976. – 226 с.
8. Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М., 1990. – 216 с.
9. Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы. (XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Вост. лит., 1999. – 358 с.
10. Материальная культура аварцев / Отв. ред. М.М. Ихтилов. Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1967. – 305 с.
11. Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
12. Булатова А.Г., Исламмагомедов А.И., Мазанаев Ш.А. Агулы в XIX – нач. XX вв.: историко-этнографическое исследование. Махачкала: Эпоха, 2008. – 291 с.
13. Алимova Б.М. Табасаранцы (XIX – начало XX в.): историко-этнографическое исследование. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1992. – 264 с.
14. Алимova Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы. XIX – начало XX в. Махачкала, 1993.
15. Алимova Б.М., Лугуев С.А. Годоберинцы. XIX – начало XX в. Махачкала, 1997.
16. Алимova Б.М. Кайтаги. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Издательство «Юпитер», 1998. – 232 с.
17. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX в. Махачкала, 2000. – 206 с.
18. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы (капучинцы, хъванал) в XIX – нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1994. – 252 с.
19. Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М.: Наука, 1988. – 313 с.
20. Рамазанова С.К. Цовкра-1, 2-я пол. XIX – XX в. Махачкала: Издательство Юпитер, 1998. – 248 с.
21. Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Парникова А.С. Материалы и исследования по этнографии русского населения европейской части СССР. М., 1960.
22. Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Казань, 1966.
23. Народы европейской части СССР. М., 1964. Т. I, II.
24. Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1964. Т. I.
25. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М., Л., 1954.
26. Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л., 1969.
27. Хомич А.В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.-Л.: Издательство «Наука», 1966. – 339 с.
28. Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства в XIX – начале XX в. М., 1990.
29. Османов М.-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX века). Махачкала, 1996.

REFERENCES

1. Kosven MO. Materials on the history of the ethnographic study of the Caucasus in Russian science. *Caucasian Ethnographic Collection (KES)*. Moscow, 1955; 1: 265-374. (In Russ)
2. Kozubsky EI. *Dagestan Collection. Issue 1*. Temir-Khan-Shura, 1902. (In Russ)
3. Kozubsky EI. *Dagestan Collection. Issue 2*. Temir-Khan-Shura, 1904. (In Russ)
4. Kosven MO., Khashaev Kh-MO. (eds). *The Peoples of Dagestan: Collection of Articles*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1955.
5. Gadzhieva SSh. *Material Culture of the Kumyks (Late 19th – Early 20th Century)*. Makhachkala, 1960. (In Russ)
6. Gadzhieva S.Sh. *Kumyks: Historical and Ethnographic Study*. Moscow, 1961. (In Russ)
7. Gadzhieva SSh. *Material Culture of the Nogais in the 19th – Early 20th Century*. Moscow, 1976. (In Russ)
8. Gadzhieva SSh. *Dagestan Terekemens of the 19th – Early 20th Century: Historical and Ethnographic Study*. Moscow, 1990. (In Russ)
9. Gadzhieva SSh. *Dagestan Azerbaijanis (19th – Early 20th Centuries): Historical and Ethnographic Study*. Moscow: Vost. lit., 1999. (In Russ)
10. Ichilov MM. (ed). *Material Culture of the Avars*. Makhachkala: IYAL DagFAN SSSR, 1967. (In Russ)
11. Gadzhieva SSh., Osmanov MO., Pashaeva AG. *Material Culture of the Dargins*. Makhachkala, 1967. (In Russ)
12. Bulatova AG., Islammagomedov AI., Mazanaev ShA. *Aguls in the 19th – early 20th Centuries: Historical and Ethnographic Study*. Makhachkala: Epoha, 2008. (In Russ)
13. Alimova BM. *Tabasarans (19th – Early 20th Centuries): Historical and Ethnographic Research*. Makhachkala: Dagknigizdat, 1992. (In Russ)
14. Alimova BM., Magomedov DM. *Botlikh People. XIX – Early XX Century*. Makhachkala, 1993. (In Russ)
15. Alimova BM., Luguev SA. *Godoberins. XIX – Early XX Century*. Makhachkala, 1997. (In Russ)
16. Alimova BM. *Kaitags. XIX – Early XX Century. Historical and Ethnographic Research*. Makhachkala: Yupiter, 1998. (In Russ)
17. Luguev SA., Magomedov DM. *Didois (Tseyz): Historical and Ethnographic Research. XIX – Early XX Century*. Makhachkala, 2000. (In Russ)
18. Luguev SA., Magomedov DM. *Bezhtins (Kapuchins, Khvanals) in the 19th – Early 20th Centuries. Historical and Ethnographic Study*. Makhachkala: IHE DSC RAS, 1994. (In Russ)
19. *Traditional and New in the Modern Life and Culture of Dagestan Settlers*. Moscow: Nauka, 1988. (In Russ)
20. Ramazanova SK. *Tsovkra-1, 2nd Half of the 19th – 20th Centuries*. Makhachkala: Yupiter, 1998. (In Russ)
21. Gantskaya OA., Lebedeva NI., Parnikova AS. *Materials and Research on the Ethnography of the Russian Population of the European Part of the USSR*. Moscow, 1960. (In Russ)
22. Busygin EP. *Russian Rural Population of the Middle Volga Region*. Kazan, 1966. (In Russ)
23. *Peoples of the European Part of the USSR*. Moscow, 1964; Vol. I, II. (In Russ)
24. *Peoples of Central Asia and Kazakhstan*. Moscow, 1964; Vol. I. (In Russ)
25. *Culture and Life of the Tajik Collective Farm Peasantry*. Moscow-Leningrad, 1954. (In Russ)
26. Vasilevich GM. *Evenki: Historical and Ethnographic Essays (XVIII – Early XX Centuries)*. Leningrad, 1969. (In Russ)
27. Khomich AV. *Nenets: Historical and Ethnographic Essays*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1966. (In Russ)
28. Osmanov M-ZO. *Forms of Traditional Cattle Breeding in the 19th – Early 20th Centuries*. Moscow, 1990. (In Russ)
29. Osmanov M-ZO. *Economic and Cultural Types (Areas)*

30. Добровольская М.В. Человек и его пища. М., 2005.
31. Джикия Н.П. Культура питания грузинских горцев (по этнографическим материалам). Тбилиси, 1988.
32. Алимова Б.М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 2005.
33. Лугуев С.А., Магомедханов М.М. О традиционной культуре питания народов Дагестана // Система питания народов Дагестана (XIX–XX в.). Махачкала, 1990.
34. История, география и этнография Дагестана: Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева, 1958.
35. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историческое прошлое, культура, быт. Махачкала, 2005.
36. Рамазанова З.Б. Пища горских евреев Дагестана (XIX – начало XX. Махачкала, 2008.
37. Краткий исторический очерк терского казачьего войска и городов Терской области // Кавказский календарь на 1897 г. Тифлис, 1896.
38. Кузнецов И.Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. СПб., 1901.
39. Бэр К.М. Рыболовство в Каспийском море и в его притоках // Исследование о состоянии рыболовства в России. СПб., 1860.
40. Кузнецов И.Д. Терские речные и Притерские морские рыбные промыслы. СПб., 1898.
41. Кавказский календарь на 1879 г. Тифлис, 1878.
42. Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986.
43. Правдин И.Ф. Аграханский залив и его рыбохозяйственное значение // Известия отд. ихтиологии. Л., 1925. Вып. 2. Т. III.
44. Обзор Дагестанской области за 1892 г. Темир-Хан-Шура, 1893.
45. Бородин Н.А. Промысел каспийских сельдей // Труды Каспийской экспедиции 1904 г. СПб., 1908.
46. Надирадзе А.А. Развитие и размещение рыбной промышленности Дагестана в дореволюционный период. Махачкала, 1969.
47. Невраев А.Ф. Дагестанский район // Труды научного института рыбного хозяйства. М., 1928. Т. IV. С. 35-45.
48. Дагестанская промышленность за пять лет. 1920-1925: Общий обзор ко дню пятилетнего юбилея ДагЦСНХ / Дагестанск. центр. сов. нар. хоз. Буйнакск: 1925. – 237.
49. Рамазанова З.Б. Культура питания народов Дагестана в XIX – начале XXI в. Махачкала: Алеф, ИИАЭ ДНЦ РАН, 2017.
50. Булатова А.Г., Сергеева Г.А. Традиционная культура питания народов Дагестана. М., 2021.
30. Dobrovolskaya MV. *Man and His Food*. Moscow, 2005. (In Russ)
31. Dzhikiya NP. *Food Culture of Georgian Highlanders (Based on Ethnographic Materials)*. Tbilisi, 1988. (In Russ)
32. Alimova BM. *Food and Food Culture of the Turkic-speaking Peoples of Dagestan in the 19th – Early 20th Centuries*. Makhachkala, 2005. (In Russ)
33. Luguev SA., Magomedkhanov MM. On the Traditional Food Culture of the Peoples of Dagestan. In: *Food System of the Peoples of Dagestan (19th–20th Centuries)*. Makhachkala, 1990. (In Russ)
34. *History, Geography and Ethnography of Dagestan: Archival Materials*. Edited by M.O. Kosven and H.-M.O. Khashaev. 1958. (In Russ)
35. Gadzhieva SSh. *Kumyks: Historical Past, Culture, Everyday Life*. Makhachkala, 2005. (In Russ)
36. Ramazanova ZB. *Food of the Mountain Jews of Dagestan (19th – Early 20th Centuries)*. Makhachkala, 2008. (In Russ)
37. A Brief Historical Essay on the Terek Cossack Host and Cities of the Terek Region. In: *The Caucasian Calendar for 1897*. Tiflis, 1896. (In Russ)
38. Kuznetsov ID. *The Terek Cossacks and Their Fishing Industries*. Saint-Petersburg, 1901. (In Russ)
39. Baer K.M. Fishing in the Caspian Sea and Its Tributaries. In: *Research on the State of Fishing in Russia*. Saint-Petersburg, 1860. (In Russ)
40. Kuznetsov ID. *The Terek River and Terek Sea Fishing Industries*. Saint-Petersburg, 1898. (In Russ)
41. *The Caucasian Calendar for 1879*. Tiflis, 1878. (In Russ)
42. Vasiliev DS. *Essays on the History of the Lower Reaches of the Terek*. Makhachkala, 1986. (In Russ)
43. Pravdin IF. Agrakhan Bay and Its Fishery Significance. In: *News of the Department of Ichthyology*. Leningrad, 1925; 2(3). (In Russ)
44. *Review of the Dagestan Region for 1892*. Temir-Khan-Shura, 1893. (In Russ)
45. Borodin NA. Caspian Herring Fishery. In: *Works of the Caspian Expedition of 1904*. Saint-Petersburg, 1908. (In Russ)
46. Nadiradze AA. *Development and Distribution of the Fishing Industry of Dagestan in the Pre-Revolutionary Period*. Makhachkala, 1969. (In Russ)
47. Nevraev AF. Dagestan Region. In: *Works of the Scientific Institute of Fisheries*. Moscow, 1928; 4: 35–45. (In Russ)
48. *Dagestan Industry in Five Years. 1920-1925: General Review for the Fifth Anniversary of the DagTSSNKH*. Dagestan Central Soviet of People's Economy. Buinaksk, 1925. (In Russ)
49. Ramazanova ZB. *Food Culture of the Peoples of Dagestan in the 19th – Early 21st Centuries*. Makhachkala: Alef, IHAЕ DSC RAS, 2017. (In Russ)
50. Bulatova AG., Sergeeva GA. *Traditional Food Culture of the Peoples of Dagestan*. Moscow, 2021. (In Russ)

Поступила в редакцию 19.03.2024 г.

Принята в печать 24.06.2024 г.

Опубликована 15.12.2024 г.

Received 19.03.2024

Accepted 24.06.2024

Published 15.12.2024